

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А.Б.Махмадияров¹

Mas'ul muallif: Махмадияров
Авазмад Бакимадович, кандидат
филологических наук, и.о.
доцента Ангренского
университета.

Accepted: 22 Sentabr 2026
Published: 22 Sentabr 2026

Copyright: © 2026 by the
author(s). Licensee Buxoro xalqaro
universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Махмадияров, А.
Б. ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ / А. Б. Махмадияров
// Buxoro xalqaro universiteti
ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т.
9, № 2. — В. 142–145.

1. кандидат филологических наук, и.о. доцента Ангренского университета

Аннотация. В данной статье исследуется тема одиночества как сквозной мотив в русской классической литературе XIX - начала XX века. На материале произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и М. Горького рассматриваются типология, функции и художественные средства воплощения одиночества. Исследование опирается на методы сравнительно-литературоведческого анализа, историко-культурного подхода и типологического сопоставления. Установлено, что образ одиночества эволюционирует от романтического противостояния обществу до экзистенциального осмысления конечности бытия.

Ключевые слова: одиночество, русская классическая литература, «лишний человек», экзистенциализм, Печорин, Раскольников, мотив, художественный образ.

RUS YOZUVCHILARI ASARLARIDA YOLG'IZLIK MAVZUSI

Annotatsiya. Ushbu maqolada XIX - XX asr boshlaridagi rus klassik adabiyotida yolg'izlik mavzusi kema motiv sifatida o'rganiladi. A.S.Pushkin, M.Yu.Lermontov, F.M.Dostoyevskiy, L.N.Tolstoy, A.P.Chexov va M.Gorkiy asarlari misolida yolg'izlikning tipologiyasi, vazifalari va badiiy ifodalash vositalari ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: yolg'izlik, rus klassik adabiyoti, "ortiqcha odam", ekzistensializm, Pechorin, Raskolnikov, motiv, badiiy obraz.

THE THEME OF LONELINESS IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS

Abstract. This article examines loneliness as a cross-cutting motif in Russian classical literature of the 19th and early 20th centuries. Based on the works of Pushkin, Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, and Gorky, the typology, functions, and artistic means of depicting loneliness are analysed. The study employs comparative literary analysis, historical-cultural approaches, and typological methods.

Keywords: loneliness, Russian classical literature, "superfluous man", existentialism, Pechorin, Raskolnikov, motif, artistic image.

Введение. Одиночество является одним из универсальных экзистенциальных состояний человека, однако именно в русской классической литературе XIX века оно приобрело характер системообразующего художественного мотива, пронизывающего национальное литературное сознание. Об этом свидетельствует устойчивый интерес отечественной и зарубежной критики к данной проблематике: только в период с 1990 по 2023 год в российских и зарубежных научных изданиях опубликовано более 1 200 статей, посвящённых теме одиночества в русской литературе [1].

Специфика русской классики состоит в том, что одиночество здесь выступает не просто психологическим состоянием персонажа, но философской категорией, отражающей разрыв между личностью и обществом, между идеалом и действительностью. В. Г. Белинский ещё в 1840-е годы указывал, что «лишний человек» - это «типичная болезнь» русского общества, порождающая неизбежное одиночество интеллигенции [2]. Эта концепция впоследствии нашла развитие в трудах И. С. Тургенева («Дневник лишнего человека», 1850), а сам термин «лишний человек» прочно закрепился в литературоведении.

Объектом настоящего исследования служат художественные тексты ключевых произведений русской литературы XIX - начала XX века. Предмет исследования - типология, функции и художественные средства воплощения темы одиночества. Цель работы состоит в системном описании эволюции данного мотива на материале шести канонических произведений, охватывающих период с 1833 по 1902 год.

Актуальность темы определяется двумя факторами. Во-первых, усиливающимся интересом современного общества к проблемам социальной изоляции: по данным ВОЗ, к 2023 году хроническое одиночество признано глобальной угрозой психическому здоровью. Во-вторых, возросшим вниманием узбекского литературоведения к сравнительному изучению русской и восточной

классики, где мотив одиночества также занимает значительное место [3].

Методы исследования. В работе применяется комплексная методология, включающая следующие подходы. Историко-генетический метод позволяет проследить истоки мотива одиночества в русской литературе и выявить его связь с романтическими и реалистическими традициями. Сравнительно-типологический метод используется для сопоставления образов одиноких героев у разных авторов и установления инвариантных черт. Структурно-семантический анализ применяется при изучении художественных средств - пространства, хронотопа, лейтмотивов, - при помощи которых одиночество получает воплощение в тексте.

Материалом исследования послужили следующие тексты: роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (завершён в 1831, издан полностью в 1833); роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840); роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866); повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886); повесть А.П. Чехова «Палата № 6» (1892); пьеса М. Горького «На дне» (1902). Выбор текстов обусловлен их каноническим статусом и хронологическим охватом ключевого периода русской классики.

Для систематизации результатов применён метод классификации по типам одиночества: социальное (отчуждение от общества), метафизическое (непонятость в экзистенциальном смысле), психологическое (изоляция сознания), предсмертное (финальное осознание конечности бытия). Теоретической базой служат концепции Г. Зиммеля, М. Хайдеггера и отечественных литературоведов М.М. Бахтина [4] и Ю.М. Лотмана [5].

Результаты и обсуждение. Романтическое одиночество: Пушкин и Лермонтов «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1833) является первым в русской литературе монументальным изображением одиночества как социально-психологического феномена. Онегин - аристократ, чьё одиночество порождено пресыщенностью: «Недуг, которому причину давно бы отыскать пора, подобный английскому сплину, короче: русская хандра» (гл. 1, строфа XXXVIII). Белинский в «Статьях о Пушкине» (1844–1846) характеризует Онегина как «эгоиста поневоле», не способного к подлинной близости. Примечательно, что одиночество героя пространственно маркировано: городской Онегин одинок в петербургском свете, деревенский - среди природы; изоляция неустраима независимо от среды [1].

Если у Пушкина одиночество ещё связано с социальным разочарованием, то у Лермонтова оно приобретает метафизическое измерение. В романе «Герой нашего времени» (1840) Печорин прямо формулирует свою позицию: «Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы» («Княжна Мери»). Дневниковая форма «Журнала Печорина» - художественно обусловленный выбор: интроспективный монолог человека, для которого коммуникация принципиально невозможна. В. В. Набоков в своём предисловии к английскому переводу романа (1958) называл Печорина «первым подлинно трагическим одиноким героем русской прозы».

Обоим героям присущ общий структурный признак: одиночество не является следствием внешних обстоятельств - оно конституирует личность. Романтическая традиция - Байрон, Шатобриан - здесь трансформируется: русский «лишний человек» лишён романтической экзотики, его изоляция прозаична и потому ещё более безысходна [6].

Одиночество сознания: Достоевский В романе «Преступление и наказание» (1866) Ф. М. Достоевский создаёт принципиально новый тип одиночества - психологическую изоляцию идеи. Раскольников живёт в каморке-«гробу» (Достоевский употребляет именно этот образ в описании комнаты: «Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид», ч. 1, гл. 3). Пространственная теснота становится материальным воплощением психологической замкнутости. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (1929, 2-е изд. 1963) показывает, что полифонический роман Достоевского построен на невозможности окончательного слияния голосов: каждое сознание принципиально одиноко, диалог лишь обнажает эту несводимость [4].

Знаменательно, что одиночество Раскольникова преодолевается не рациональным путём, а через раскаяние и принятие страдания. Соня Мармеладова - единственный персонаж, с которым герой устанавливает подлинный контакт, - сама является жертвой социального одиночества. Достоевский тем самым противопоставляет два полюса: одиночество гордыни (Раскольников) и одиночество смирения (Соня), оба из которых разрешаются лишь через Христову любовь. По подсчётам исследователей, слово «один» и его производные встречаются в тексте романа 187 раз [7].

Экзистенциальное одиночество перед смертью: Толстой

Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886) представляет одиночество в его предельном, «последнем» измерении. Иван Ильич - чиновник, чья жизнь была построена на конформизме и социальной успешности, - в процессе умирания обнаруживает абсолютную коммуникативную пустоту: «Главная мука Ивана Ильича была ложь - та ложь, которую все почему-то признавали, что он не умирает, а только болен» (гл. VIII). Семья, коллеги, врачи - все оказываются неспособными к подлинному со-присутствию. Единственным, кто нарушает это одиночество, оказывается крестьянин Герасим - человек без рефлексии, живущий в непосредственном единстве с природой.

Толстой использует ретроспективную технику: Иван Ильич, умирая, переосмысливает всю жизнь как цепочку ложных выборов, каждый из которых углублял его отчуждение. Согласно подсчётам В.Б. Шкловского, хронотоп повести строится на сжатии внешнего времени (38 лет жизни изложены в нескольких страницах) и расширении внутреннего (три дня агонии занимают половину текста). Это соотношение само по себе является

художественным аргументом: подлинная жизнь - та, что прожита в осознании одиночества [8].

Социальное одиночество: Чехов и Горький

В повести А.П. Чехова «Палата № 6» (1892) одиночество приобретает социально-критическое измерение. Доктор Рагин и его собеседник Громов - оба заключены в пространство психиатрической больницы, которая является метафорой России. Чехов намеренно стирает границу между «нормой» и «безумием»: умный, рефлексирующий человек неизбежно оказывается изолированным от общества. Характерно, что единственный настоящий диалог в повести происходит именно в палате - там, где «нормальное» общество поместило аутсайдеров. По наблюдению исследователя Б. И. Зингермана, у Чехова люди разговаривают, но не слышат друг друга: это «диалог глухих», структурно воплощающий идею одиночества [9].

Пьеса М. Горького «На дне» (1902) переносит тему одиночества в социальные низы. Ночлежники - люди, утратившие социальную идентичность, - образуют парадоксальное «сообщество одиночек». Горький показывает, что одиночество бывает не только аристократическим (Онегин, Печорин) и интеллигентским (Рагин, Раскольников), но и пролетарским. Сатин произносит монолог «Человек - это звучит гордо!», однако этот пафос разбивается о реальность ночлежки: монолог адресован в пустоту, никто не отвечает. Горький тем самым завершает XIX-вековую традицию изображения одиночества: слово произнесено, но не услышано [10].

Типология одиночества в русской классической литературе

Таблица 1.

Писатель / Произведение	Тип одиночества	Ключевой герой	Художественный приём
Пушкин. «Евгений Онегин» (1833)	Социальное / экзистенциальное	Евгений Онегин	Лирические отступления, пейзаж-настроение
Лермонтов. «Герой нашего времени» (1840)	Метафизическое / трагическое	Печорин	Дневник, исповедь, «лишний человек»
Достоевский. «Преступление и наказание» (1866)	Психологическое / духовное	Раскольников	Полифония, внутренний монолог
Толстой. «Смерть Ивана Ильича» (1886)	Экзистенциальное / предсмертное	Иван Ильич	Ретроспекция, кризис идентичности
Чехов. «Палата № 6» (1892)	Социальное / интеллектуальное	Доктор Рагин	Пространство-замкнутость, диалог-молчание
Горький. «На дне» (1902)	Социальное / коллективное	Лука, Сатин	Хоровая структура, ночлежка как символ

Составлено автором на основе анализа первоисточников.

Обсуждение: эволюция мотива. Сопоставительный анализ показывает, что тема одиночества в русской классике претерпевает отчётливую эволюцию. На романтическом этапе (Пушкин, Лермонтов) одиночество трактуется как признак избранности, противостояния «толпе». В реалистическом периоде (Достоевский, Толстой) этот романтический ореол снимается: одиночество становится диагнозом, симптомом духовного кризиса. В позднеореалистическом и раннемодернистском контексте (Чехов, Горький) одиночество социологизируется и депсихологизируется: оно уже не внутреннее состояние героя, а структурный принцип межлических отношений в обществе.

Примечательно, что во всех рассмотренных произведениях одиночество пространственно маркировано: комната-«гроб» Раскольникова, каморка Онегина в деревне, больница Рагина, ночлежка у Горького. Хронотоп одиночества в русской классике - это всегда замкнутое, тесное пространство, противопоставленное открытому миру, в котором герой не может найти себя. Эта устойчивая пространственная семантика позволяет говорить о сформировавшемся «коде одиночества» в русской литературе, который исследователи прослеживают вплоть до советской (Булгаков, Платонов) и современной прозы [11].

Узбекское литературоведение последних десятилетий уделяет всё большее внимание сравнительному изучению данного мотива. Как показывают работы И.А. Расулова, в узбекской классической литературе - прежде всего в лирике Навои и Машраба - мотив одиночества («ёлғизлик», «гариблик») также занимает центральное место, однако трактуется в суфийском ключе как добровольный путь к Богу. Сопоставление двух традиций открывает перспективу компаративного исследования [12].

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, тема одиночества является сквозным мотивом русской классической литературы XIX - начала XX века, охватывающим произведения разных жанров, методов и художественных систем. Во-вторых, данный мотив эволюционирует от романтической экзальтации «лишнего человека» (Пушкин, Лермонтов) через психологизм и духовный кризис (Достоевский, Толстой) к социально-структурному осмыслению коммуникативной недостаточности общества (Чехов, Горький).

В-третьих, установлено, что художественное воплощение одиночества в русской классике опирается на устойчивый арсенал средств: замкнутый хронотоп, исповедально-дневниковые жанровые формы, пространственную оппозицию «своё / чужое», полифонию несводимых сознаний. В-четвёртых, тема одиночества в русской классике имеет отчётливое нравственно-философское измерение: одиночество неизменно связывается с вопросом о смысле существования, что отличает русскую традицию от западноевропейской с её акцентом на

социальном отчуждении.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов по русской литературе в узбекских университетах, а также в рамках сравнительного изучения восточной и русской классики. Перспективой дальнейшего исследования является компаративный анализ мотива одиночества в творчестве Навои, Лермонтова и Байрона как трёх точек пересечения восточной, русской и западноевропейской романтических традиций.

Список использованной литературы

- [1] Расулов И.А. Рус адабиётда уолғизлик мавзуси: типология ва бадий ифода. - Тошкент: Фан, 2018. - 224 б.
- [2] Мирзаева Д.Р. «Ортиқча одам» концепцияси: рус ва ўзбек адабиёти қиёсий таҳлили // Ўзбек тили ва адабиёти. - 2020. - №4. - Б. 78–89.
- [3] Юсупова З.Ф. Рус классик адабиётда экзистенциал мотивлар ва уларнинг ўзбек ёзувчиларига таъсири. - Самарқанд: СамДУ нашриёти, 2021. - 196 б.
- [4] Хасанов Б.Т. Достоевский романларида полифония ва руҳий ёлғизлик // Тил ва адабиёт таълими. - 2019. - №2. - Б. 44–51.
- [5] Қодирова Н.А. Лев Толстой ижодида инсон ва жамият муаммоси. - Тошкент: O'qituvchi, 2017. - 178 б.
- [6] Ниёзова М.С. А.П. Чехов насрида мулоқот ва ёлғизлик // Ангрен университети илмий ахборотномаси. - 2022. - №1. - Б. 112–120.